

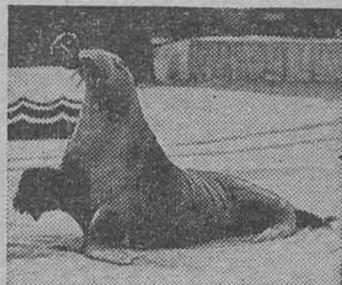
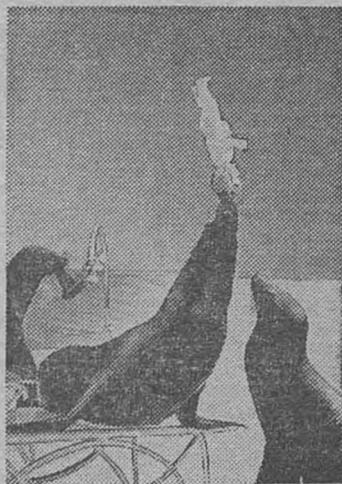
жение, необходимое тебе, выработать и закрепить, пользуясь теорией Павлова о рефлексах. Я решила: только морские животные. Слишком тяжело мне достался Лель, слишком дорога и притягательна была эта извечная тайна, заключенная в сердцах морских зверей.

И еще — морж! Я так мечтала поработать с этим северным животным! И вдруг воочию увидела в Зооцентре одиннадцать моржей — беспомощных, удивленно греющихся на ярком солнце. Каждому не более 3 — 4 месяцев. «Грудные дети» с доверчивыми круглыми глазами и неимоверной силой. Северные жители, они почти все были простужены. Подверженные любому сквозняку, они с трудом давали Нине Монаховой, главному ветврачу Зооцентра, лечить свои бронхиты и воспаления легких. Среди них мне предстояло выбрать себе двоих. Елена Юльевна Домбровская, которая ведает бытом и работой животных в советском цирке, смотрела на маленьких гигантов и предостерегла меня:

— Наташа! Не берите моржей, с ними придется от-

Я вижу ее во сне. Мне ее не хватает. И я мечтаю вновь найти и воспитать свою Василису и подарить ее замечательное искусство зрителю. Я знаю, что это будет очень трудно. Но осуществление мечты не бывает легким. Это я знаю с детских моих лет. Я мечтаю в день 50-летия советского цирка выступить с новой Василисой в новом цирке на Ломоносовском проспекте, в Москве. Я буду стараться! Я хочу, чтобы это было так, чтобы в облике другого моржа оживила та первая и единственная для меня Василиса, которая жива теперь лишь в памяти зрителей и в истории цирка. Я мечтаю, и мечта не может не сбыться. В это я верю.

«Дорогая Наталья Юрьевна! Как я завидую Вашей красивой жизни. Ответьте, куда можно поступить, чтобы стать дрессировщиком». Десятки таких наивных и добрых писем получаю я. А «красивая жизнь» начинается ежедневно в 6 часов утра и кончается поздно ночью. Так изо дня в день, так всегда. Черновая, кропотливая, опасная работа. Без нее нельзя. Работать, работать и работать — таков

Наталья ДУРОВА

ЛЕЛЬ НАТАЛЬЕВИЧ

ДУРОВ-КАЛИФОРНИЙСКИЙ

ТО его голос — уже не ломающийся, а зычный бас — гулко разносится по территории ВДНХ:

— Мам-ма, мам-ма!

Он — мой герой, мой соавтор, существо, в которое я пять лет назад вдохнула жизнь, а теперь без устали отдаю свою, чтобы показать в искусстве самую сложную работу — ваятеля. Мой герой, мой соавтор — еще незрелый морской лев, калифорниец с русским именем Лель. Он получил это имя в Москве на Ленинском проспекте, у меня дома, куда беспомощным малышом я привезла его из Зооцентра.

Морская душа поселилась в обычной сухопутной квартире. Иной раз мне не хватало суток, чтобы решать головоломные проблемы, возникающие на каждом периоде его роста. Море в облике морского льва ежесекундно приходило ко мне загадкой, замысловатую тайну его не так-то легко было познать. Трехнедельного морского льва я поила молоком, не обычным, а тюленьим, для состава которого приходилось десятки раз обегать московские магазины и мучить океанолога Клумова. Я учила малыша плавать. Ведь на первых порах он захлебывался, тонул в квартирной ванне. Это кажется смешным — морской лев тонет в московской ванне! Но это было так. Иной раз Лель приводил меня в отчаяние: в поведении и характере его обнаруживались непонятные черты.

Кроме того, Лель болел. Иногда казалось, угасала последняя надежда спасти морского льва. Я приходила в отчаяние и снова — усилia, усилia, усилia... 69 огромных нарывов на крошечном тельце. Дистрофия и авитаминоз, клещевидные насекомые — чистка и вра-

чевание. И вот пришел день, когда Лель стал реагировать на окружающее. Потом пришли любопытство и нормальный рост.

Видимо, он воспринимал все в моей квартире по-своему: ванна — море, подоконник — пляж, душ — дождь, я — мама, вся моя семья, жертвенно переносившая тяготы воспитания Леля, — это, пожалуй, морские львы.

А игры! Когда они начались, пришлось убрать всю мебель. Знакомство с зеленью в цветочных горшках едва не кончилось бедой. Лель накололся на кактус. Потом в его игры включились партнеры — дети нашего двора и Дворца пионеров. Он стал общителен, проказлив, но вежлив. Однажды дети принесли ему подарок: аквариум с золотыми рыбками. Рыбок он не знал, самым понятным в этом аквариуме для него была вода, и он стал расписывать ее лапами. Когда одна из рыбок забилась на полу, выброшенная ластом, Лель в страхе спрятался в угол. Лишь через три месяца в нем заговорил инстинкт: он начал следить за плавающей плотвой, следить, а потом и охотиться.

Лель рос. Он уже не помещался в московской ванне, ему стала мала детская кровать. Но он уже кое-что научился делать! Просил кушать, наказывал или хвалил себя, смешно похлопывая ластом по животу. Он уже научился играть в мяч. Наконец дебютант вместе со мной пришел в цирк.

Так начинался мой аттракцион. Не хотелось идти проторенным путем... Я вспоминала истоки рождения моей семьи в цирке. Нет, деды даже в период апогея своей славы не имели огромного количества животных. Искусство зиклдилося на другом: уникальный трюк сопровождал меткому слову. Трюк: выработать у животных дви-

казывать себе во всем. Жить надо будет только для них! Сначала сиделка и няня, потом «мама» и только через много месяцев, а может быть, и лет станете партнерами на арене.

— Я согласна, Елена Юльевна!

И вот в Минск летят в самолете укрытые моей шубой Василиса и Нептун — моржи.

Потом осталась одна Василиса. Гордость цирка. Перламутровая, переливающаяся то коричневым, то золотистым, выходила она на манежи многих городов и покорила зрителей — она работала удивительно четко, понятно. Трюки ее были необыкновенны. А на афише стояло: «На арене цирка — единственный в мире дрессированный морж», а у кассы спрашивали: «Сегодня работают Василиса и Лель?»

Мне было радостно и тревожно: как бы чего не упустить. Запоем я читала статьи, смотрела документальные фильмы о жизни моржей. Мне необходимо было как можно больше узнать о природе своей Василисы, мне нужно было воспитывать ее здоровой и сделать из нее актрису. И вот моржонок, весивший в сентябре 1963 года 70 кг, стал огромным животным — 1 тонна 684 кг. Это было уже в 1967 году. Вес, рост радовали, но чем мощней становилась Василиса, тем больше проблем стало возникать при переездах. Клетка на специальных колесах, сложные разгрузки и погрузки! А кормление! Надо было искать заменителей моллюсков, которыми питаются моржи. Был найден и корм. Шли воспитание и дрессировка. Василиса покорила зрителей. Она стала актрисой. Это было шедевр.

Василиса погибла неожиданно и нелепо. При переезде. Нет Василисы! Я никак не могу с этим примириться.

наш девиз. Работать месяцы, годы для того, чтобы в жизнь нашей детворы вошли неповторимые, сказочные 29 минут циркового аттракциона животных. И какая обоюдная радость! А потом я напишу об этом книгу. Она так и будет называться — «29 минут». В ней я расскажу, чего стоят эти минуты. Но это в будущем, а пока я привезла домой, в Москву, Леля и его компанию морских львов, среди которых два новых, редких экземпляра, подаренных мне Ленинградской базой океанического рыболовного флота «Перекат».

Лель демонстрирует сложную работу. Он стал маститым артистом. А ведь он еще не взрослый лев, он еще подросток. Но у него уже опыт, и он «передает» его начинающим — Дуне, Маше и Буяну. Как стараются мои артисты! С какой понятливостью слушают команды! И как добро, даже любовно, смотрят на сверстников детей, заполнивших зал! Понимание и любовь между ними взаимные — и сколько радости! На это стоит потратить годы труда.

Вот и сейчас несется по зеленой территории ВДНХ трубный и добрый голос огромного, 700-килограммового крошки Леля. Он приглашает в цирк. В самом деле, приходите к нам, в Зеленый театр на ВДНХ! Здесь вместе с коллегами из Ростовского цирка мы участвуем в представлении, отлично поставленном режиссером Евгением Рябучковым при участии чудесного клоуна, заслуженного артиста РСФСР Бориса Вяткина и цирковой молодежи, руководимой режиссером Виктором Вашенко. Приходите, чтобы снова встретиться с Лелем Натальевичем и послушать его бас вместе с джазом морских львов. Мы будем рады вам. До встречи!

На снимках (сверху вниз):

- Лель «передает» опыт Маше.
- Василиса была талантливой «артисткой»...
- Детские годы Леля.